

Суздальцева Светлана Васильевна

...Отца Василия Митрофановича Суздальцева - экономиста-финансиста «Стекольного треста» - арестовали в день моего рождения в памятном 1937 году. Три года мне исполнилось. Мама, Елизавета Фёдоровна Шагурина, не взяла папину фамилию. И я, выходя замуж, решила навсегда остаться Суздальцевой. Объяснила: тогда отца осудили и оправили в Вятлаг на пять лет, этот срок истекал в 1942 году... Но началась война, и заключенных из лагеря не выпускали... И у меня памятью о нем осталась только фамилия...

...Первое, что помню из военного времени: жарким летним днем бабушка как обычно забрала меня из детского садика, но пошли мы не домой, а к кинотеатру «Великан», бывшему нардому, - провожать на фронт дядю Лёню. Дядя Лёня – родной брат мамы, механик на фабрике имени Жиделева - заменил мне отца, когда того осудили. У «Великана» формировался добровольческий полк. Попрошались с дядей Лёней, как оказалось, навсегда... Защищал он подступы к Дону, в 1942-м погиб. Пришла похоронка. - и бабушка, ослабев от горя, вскоре умерла... Похоронен дядя Лёня в станице Советская Ростовской области, до 1959 года - Чернышевская. Мама много лет держала связь с местными пионерами, которые ухаживали за памятником на братской могиле...

Гибель дяди Лёни - не единственная военная потеря в нашей семье. Мои двоюродные братья и сестра – все намного старше меня – тоже воевали. Лиля - такая смелая девчонка - ушла на фронт в 18 лет, сразу после окончания десятилетки и ускоренного курса медсестёр. Погибла в 1944-м при освобождении Латвии, вынеся с поля боя двадцать раненых бойцов. Письмо её командира после этого боя сохранилось....

..Летом 1942-го, перед поступлением в первый класс, меня отправили в пионерский лагерь в Ново-Талицы. Воспоминания ужасные: рядом то и дело стреляли зенитки, и нам, детям, казалось, что всё горит. Мы плакали и кричали – от страха, что Иваново погибло и наши мамы тоже. А утром на линейке нам показывали осколки снарядов и предупреждали, чтобы мы их не подбирали и даже не трогали.

Осенью я пошла в 37-ю начальную школу, в то время просто деревянный барак, так как настоящее здание было занято под госпиталь.

Однажды я с двумя одноклассниками – Тосей и мальчиком, имя которого забыла – решили пойти к раненым и дать им концерт. Изображали из себя творческую бригаду. Зима, холод лютый, а мы идем пешком из Пустошь Бора в госпиталь у Посадской бани. Пришли - у проходной два красноармейца с винтовками в тулупах меховых и валенках приплясывают от мороза. А мы маленькие, замотанные: «Дяденьки, пустите нас! Мы концерт пришли давать!»пустили. У Тоси с собой одеяло фланелевое свёрнутое, она гимнастка, до войны со своим отцом в цирке выступала. Я читаю стихи, мальчик поет. Но раненым не до наших номеров. Им бы нас погладить, приласкать - вспомнить своих детей... Едой с нами поделились... Домой прихожу, а бабушка кричит: «Где ты пропадала!?!». Оправдываюсь: «Бабуся, ты меня не ругай сильно, меня так накормили!» Позже Муза - двоюродная сестра, которая училась в 32-й школе, брала меня с собой в «их» госпиталь. К Новому году ставили для раненых сказку «Гуси-Лебеди», и я играла одного из лебедей. Организовано все было солидно – имелась сцена, декорации, искусственная елка с игрушками – раскрашенными яблоками из ваты.

В школе училась только на отлично! К матерчатому портфелю с проломленным верхом привязана фарфоровая чернильница-«непроливайка». Несмотря на название, из неё всё время проливаются. Возможно, потому, что я все время бегаю. Ещё в портфеле спрятан мешочек с алюминиевой мисочкой и ложкой – для школьного обеда. Кормили нас только варёной картошкой и бульончиком, в котором эта картошка варилась. Но как нам это нравилось! По вечерам мама вычерчивала мне на газетной бумаге косые линейки и учила красиво писать с нажимом. Ещё помню, в нашей начальной школе была пионерская организация, и меня выбрали председателем совета дружины.

Однажды - в 1944-м или 1945-м - в драмтеатре проходил слёт пионеров. Такое событие! Как я волновалась! Помню, мы там рапортовали: дружина готова, все в хорошем настроении. И нас наградили маленьким подарочком: несколько кусочков шоколада, несколько печенкиц... Праздник!

...Ходили слухи, что в Куваевском лесу прячутся шпионы. Жили мы недалеко, и однажды подруга предложила проверить это. Пошли в лес в дождь, так как в плохую погоду люди не гуляют, и нам казалось, что это увеличивает шансы встретить шпиона. В лесу обнаружили только пенёк с какими-то странными знаками и цифрами, вырезанными ножом. Убежали обратно, уверенные, что это дело рук врагов.

В конце 1943-го домой внезапно вернулся папа... Его отпустили, потому что обнаружили открытую форму туберкулёза... Я с ним почти не контактировала, чтобы не заразиться... На Новый, 1944-й, год папа мне подарок преподнёс: раздобыл на рынке или с рук книгу «Любочкино чего и почему?», коньки-снегурки и грецкие орехи - каждый обернут фольгой. Очень хорошо это помню... Устроился он работать в доме композиторов в местечке «Харинка» бухгалтером, но ненадолго. За два дня по победы, 7 мая 1945 года, умер в туберкулёзной больнице... Вот так и случился у нашей семьи праздник со слезами на глазах: 9-го мая собирались хоронить папу, а тут известие о победе. Помню, форточки открыты, с улицы шум, гам, крики: «Война кончилась!» Похоронили отца десятого мая.....